Не знаю, как пишут сценарии, но если б я была мультипликатором, сняла бы такой мультик. Вот представьте.

На простом дощатом столе разложены листочки рукописи. Чья-то рука берёт их по одному, кладёт на место, меняет местами...

Полупустая комната, в сумраке очертания каких-то предметов: шкаф не шкаф, кровать не кровать... За голым окном уныло моросит.

Руки неловко перемешивают бумажные листы и устало замирают на них. А потом берут коробок, чиркают спичкой и, подняв один лист, медленно подносят к нему огонь. Лист испуганно съёживается и бьётся, уворачиваясь от пламени.

Вот и фигура видна, и лицо человека. Он очень (ну очень!) похож на Сергея Кузичкина.

Округлив глаза и приоткрыв рот, он поражённо глядит на оживший листок. Кривая спичка догорает и обжигает пальцы. Изображение гаснет. В полутьме — только силуэт. Он бросает лист на стол и отступает в темноту комнаты, почти растворяясь в ней. Наспех брошенный лист шевельнулся, как от сквозняка. Фигура отпрянула,

но через мгновение приблизилась, склонилась к столу. Из темноты проступают, проявляются знакомые черты, глаза; испуг и ошеломление сменяются любопытством. Гремит коробок, вспыхивает спичка. Человек зажигает свечу на столе. Свет неровно пробегает по дощечкам, по разбросанным бумагам, озаряя и превращая стол в центр мира, а всё остальное уходит в густеющую темноту, и даже дождь за окном напоминает о себе только нарастающим шумом.

Мягко светится брошенный лист.

Хотя нет: огненная капля падает со свечи на листок, в самую его середину, и человек испуганно хватается за голову, ожидая пожара, но лист не загорается, а медленно, от центра к краям, наливается светом! Вот тогда начинают светиться и другие листы, беспорядочно разбросанные по столу. Человек, так похожий на Кузичкина, не сводит с них глаз. Проводит рукой по лицу, чешет затылок, пожимает плечами... Потом решается. Откуда-то из темноты, нашарив его за спиной, резко выдвигает стул, усаживается и бережно собирает бумаги, листок к листку. Стопа растёт и светится всё ярче. Уже непонятно, что именно освещает стол и лицо человека — свеча или бумага. Теперь на этом лице — ни боязни, ни растерянности. Оно внимательно и сосредоточенно. Человек перелистывает стопку, то хмурясь, то улыбаясь, и замирает, глядя в темноту. Его ладони обнимают рукопись.

И вдруг он берёт один лист, складывает его пополам, сворачивает конусом. Приподнимает за острый кончик и разглядывает: что получилось? Колокольчик? Дурачась, развлекая сам себя, он «звонит» в бумажный колокольчик, а тот неожиданно подаёт робкий голос: «Нел-нел-нел...»

Голос лёгкий, шелестящий; чтобы его расслышать, человек с улыбкой подносит бумажный колокольчик к самому уху. Брови его подпрыгивают, глаза загораются: идея! Он осторожно ставит колокольчик на середину стола и, временами поглядывая на него, что-то бормоча и

напевая, азартно трудится, сворачивая новые колокольчики из листов рукописи. Прежде чем поставить на стол, пробует каждый на звук, трясёт возле уха: «Нел-нел-нел...» Человек то расплывается в улыбке, то трясёт головой и морщится, как от зубной боли, то удовлетворённо потирает руки и победно потрясает кулаком. Потом берёт разом по два, по три листа, старательно сворачивает из них колокольчики покрупнее и вслушивается в их нарастающие голоса. Берёт и ставит разные колокольчики, вызванивая мелодию. Не глядя протягивает руку за очередным листом, шарит по столу — но там пусто... На столе рядком стоят колокольчики, а стопа бумаги растаяла. Человек ахает. Откидывается на спинку стула и оглядывает плоды своих трудов. Его руки бездельно лежат на столе и кажутся слишком большими среди этих нежных колокольчиков, по которым пробегают тёплые отсветы почти догоревшей, искривлённой в фантастических натёках свечи.

Человек поворачивает свечу, всматривается в эти натёки, освещённые мерцающим огоньком из глубины воска, и видит то старинный замок и таинственные заросли, то фигуры странных людей и небывалых животных; а на стенах тем временем являются, вырастают и двигаются, расходясь и наплывая друг на друга, их большие тени — мечутся, проявляют и запечатлевают захватывающие и жутковатые видения. А в центре всего этого — освещённый стол и неподвижный человек, который теперь кажется таким маленьким и беззащитным! Он где-то внизу спирали, по которой разворачивается действо, порождённое безудержной ночной фантазией.

Тихо светлеет окно: ночь проходит. Тени тают, свеча, потрескивая, гаснет... Волшебство кончилось.

Комната постепенно принимает свой обычный, будничный вид.

Человек устало поднимается из-за стола. Бросает последний взгляд на стол, уставленный бумажными колокольчиками, берёт один и сминает его: бумага! Это просто

бумага... Подходит к серому окну и, уперев лоб в стекло, грустно смотрит в ненастье. По комнате вьётся дымок от нагоревшей свечи. Человек открывает форточку.

Неожиданный порыв ветра дохнул на стол. Колокольчики вздрогнули, один упал и с серебристым звоном («Нел-нел!») покатился по полу. Человек стремительно обернулся, не веря собственным глазам и ушам. Ветер продолжал развлекаться: подхватывал колокольчики, тряс и сталкивал их, а они упруго подскакивали и заливались на разные голоса: «Нел-нел-нел-нел...»

Постепенно в этой разноголосице появилась мелодия. Но и этого ветру показалось мало: он стал бросать в форточку осенние листья! Листья разные — большие и маленькие, дубовые, кленовые и вообще непонятно какие, с каких деревьев слетевшие. Они, кружа, заполняли комнату всё больше, сворачивались конусом и превращались в колокольчики, поющие на все лады: «Нел-нел-нел!» Их голоса вплетались в мелодию, ускоряли и усложняли её.

А человек, похожий на Сергея Кузичкина, изумлённо и радостно взирал на происходящее, хватался за голову, размахивал руками, а потом взмахнул ими, будто заправский дирижёр. Хаотичное движение замерло и тут же возобновилось в стройном ритме, подчиняясь движениям рук.

«Нел! Нел-нел-нел... Нел!!!»